

N

Vladimir Nabokov
The Original of Laura
(Dying Is Fun)

Владимир Набоков Лаура и ее оригинал

Фрагменты романа

Перевел с английского
Геннадий Барабтарло

издательство аст
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Н14

Художественное оформление и макет Дмитрия Черногаева

Набоков, Владимир Владимирович.

Н14 Лаура и ее оригинал : фрагменты романа / Владимир Набоков; пер. с англ. Г. Барабтарло. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 272 с. — (Набоковский корпус).

ISBN 978-5-17-175861-5

«Лаура и ее оригинал» — последний, незавершенный роман Владимира Набокова, сочинявшийся в 1975–1977 годах в Швейцарии. Набоков не успел дописать книгу, замысел которой видел в своем сознании во всех деталях, и завещал ее уничтожить, что не было сделано сначала вдовой писателя, а затем его сыном. Принимая решение опубликовать рукопись «Лауры», Дмитрий Набоков исходил из своей высокой оценки ее содержания и представления о непрерывности творческого пути своего отца, который не переставал совершенствоваться как писатель и мыслитель до конца жизни.

Настоящее издание, помимо перевода романа, предисловия Дмитрия Набокова и статьи переводчика, содержит факсимильное воспроизведение рукописи романа с параллельным расшифрованным текстом.

Перевод печатается по второму, исправленному изданию. Сохранены особенности орфографии, пунктуации и транслитерации переводчика.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-175861-5

© Dmitri Nabokov, 2009

All rights reserved

© Г. Барабтарло, перевод на русский язык, статья, примечания, 2014

© А. Бабинов, примечания, 2026

© Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Издательство CORPUS ®

Содержание

Дмитрий Набоков

Предисловие

Перевел с английского

Геннадий Барабтарло

7

Лаура и ее оригинал

Фрагменты романа

23

Геннадий Барабтарло

«Лаура» и ее перевод

99

Vladimir Nabokov

The Original of Laura

(Dying Is Fun)

133

Дмитрий Набоков
Предисловие

В 1977 году, когда на берегах Женевского озера установилась теплохладная весна, меня вызвали из-за границы к постели отца в лозаннской клинике. Приходя в себя после операции, считавшейся заурядной, он, по-видимому, подхватил госпитальную бациллу, которая самым серьезным образом ослабила его сопротивляемость. Никто не обратил никакого внимания на такие явные признаки ухудшения состояния, как резко понизившийся уровень содержания в организме натрия и калия. Нужно было безотлагательно принимать решительные меры для сохранения его жизни.

Тотчас был устроен перевод в университетскую больницу кантона Во, и начались долгие, мучительные поиски болезнетворного микроба.

За два года перед тем отец упал на скате горы в Давосе, во время любимой своей энтомологической охоты, и застрял в неловком положении на крутом склоне, а проплывавшие над ним на фу-

никулере туристы, которых он звал на помощь, размахивая сачком, в ответ хохотали, принимая все это за шутку гуляки праздного. Лица, исполняющие служебные обязанности, бывают безжалостны: когда он наконец доплелся до вестибюля гостиницы, поддерживаемый с двух сторон коридорными, ему сделали выговор за то, что его короткие штаны были не в лучшем виде.

Быть может, тут не было никакой связи, но это происшествие в 1975 году как будто положило начало череде недомоганий, не отступавших вполне до тех самых ужасных дней в Лозанне. Несколько раз он неуверенно покушался вернуться к прежней жизни в Палас-отеле в Монтрё, величественный образ которого всплывает в моей памяти, когда читаю в какой-то идиотской электронной биографии, что успех «Лолиты» «не ударил Набокову в голову, и он продолжал жить в *захудалой швейцарской гостинице*» (курсив мой. — Д. Н.).

Но физическую величественность Набоков стал терять. При своем шестифутовом росте он начал немного сутулиться, его шаги на нашем променаде вдоль озера сделались короткими и нетвердыми.

Однако писать он не переставал. Он трудился над романом, который начал в том самом 1975-м поворотном году: то был зародыш шедевра, гениальные ячейки которого начинали окукливаться там и сям на каталожных карточках, которые всегда были при нем. Он очень редко говорил в подробностях о текущем своем сочинении, но тут он,

может быть, чувствовал, что число возможностей поведать о них считано, и оттого начал рассказывать нам с матерью о некоторых деталях. Наши послеобеденные беседы делались все короче и прерывистей, и он уходил к себе в кабинет, как будто торопился закончить свой труд.

Скоро пришло время ехать в госпиталь Нестле в последний раз. Отцу сделалось хуже. Исследования продолжались; один врач за другим тер себе подбородок, и вели они себя у постели больного так, что из одра болезни она постепенно превращалась в смертный. Наконец, когда молодая, шмыгающая носом сестра ушла, не закрыв окна, отца просквозило, и это привело к простуде, ускорившей конец. Мы с матерью сидели подле него, когда он, давась едой, которую я уговаривал его съесть, сделал три судорожных вдоха и скончался от застойного бронхита.

О настоящих причинах его недуга сказано было немного. Смерть великого человека была, казалось, окружена смущенным молчанием. Спустя несколько лет, когда мне понадобилось для биографических целей уточнить подробности, доступ к обстоятельствам его смерти оказался затруднен.

Только в последние дни его жизни узнал я о некоторых державшихся в секрете семейных делах. Среди них было его настоятельное распоряжение уничтожить рукопись «Лауры и ее оригинала» на случай, если он умрет, не кончив ее. Лица с ограниченным воображением, которым не терпится добавить свои предположения в водоворот гипо-

тез, захлестнувших это неоконченное сочинение, не могут без презрительного смеха допустить, что обреченный художник может решиться скорее уничтожить свою книгу, все равно, по какой причине, — чем позволить ей пережить себя.

Автор может быть серьезно и даже безнадежно болен и тем не менее продолжать свой отчаянный бег на короткую дистанцию, соревнуясь с судьбой до последнего, до финишной черты, и, несмотря на все свое стремление победить, все-таки проиграть. Ему может воспрепятствовать случайное обстоятельство или чье-нибудь вмешательство, как это произошло с Набоковым за много лет перед тем, когда его жена выхватила у него из рук черновик «Лолиты», который он уже нес на сожжение в печку для сора во дворе.

Мы с отцом по-разному запомнили колер одного волнующего предмета, который я неполных шести лет от роду с изумлением разглядел между мозаичным нагромождением зданий в приморском Сен-Назере. То была колоссальная труба парохода «Шамплен», который должен был переправить нас в Нью-Йорк. Мне она помнится палево-желтой, а отец говорил, что она была белого цвета.

Я стою на своем, что бы исследователи ни откопали в архивах французского пароходства относительно наряда их судов того времени. В равной мере уверен я и в расцветке моего последнего сна

на борту на подходе к Америке: разные оттенки гнетущего серого цвета в моем сновидении окрашивали обшарпанный, приземистый Нью-Йорк, совсем непохожий на обещанные родителями восхитительные небоскребы. Сойдя на пристань, мы увидели две несходные между собой Америки: во время таможенного досмотра у нас из чемодана исчезла фляжка с коньяком; с другой же стороны, когда отец (или мать? иногда они у меня в памяти сливаются) попытался расплатиться с шоффером таксомотора, доставившего нас по нужному адресу, всем содержимым своего кошелька — стодолларовой ассигнацией в новой для нас валюте, — то этот честный человек с понимающей улыбкой тотчас же отказался от такой суммы¹.

В годы, предшествовавшие нашему отъезду из Европы, я плохо понимал, чем, собственно, «занимается» мой отец. Даже самое понятие «писатель» мало что мне говорило. Только в какой-нибудь изящной истории, которую он, бывало, рассказывал мне на сон грядущий вместо сказки, я мог потом задним числом угадать контур сочинения, над которым он тогда трудился. Понятие «книги» воплощалось для меня во множестве томов в красных кожаных переплетах, которыми я любовался на верхних полках кабинетов друзей моих родителей. Они выглядели «аппетитно», как говорится. Но первым моим «чтением» было слушать, как

¹ На счетчике стояла единица с двумя нулями, т. е. один доллар, которые его родители с ужасом, но покорно приняли за сто. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

мать читает отцовский перевод на русский «Алисы в стране чудес».

Мы поехали на солнечные пляжи Ривьеры и в конце концов отплыли в Нью-Йорк. Там, вернувшись после первого дня занятий в теперь уже не существующей школе Волта Уитмана, я объявил матери, что обучился английскому языку. В действительности я выучился английскому гораздо более постепенно, и он сделался моим преимущественным и наиболее гибким средством выражения. Но, несмотря на то, я всегда буду гордиться тем, что был единственным на всем свете ребенком, которому Владимир Набоков преподавал начатки русского языка по грамматическим пособиям.

У отца тоже был переходный период, причем в самом разгаре. Хотя он и был воспитан «совершенно нормальным трехязычным мальчиком», оказалось тем не менее, что ему в высшей степени трудно сменить свой «ничем не стесненный, богатый русский слог» на новый — не на домашний английский, на котором говорил и его англофил-отец, а на орудие столь же послушное, выразительное и поэтичное, что и родной его язык, которым он владел мастерски. Его первый роман, сочиненный по-английски, «Истинная жизнь Севастьяна Найта», дался ему ценой бесконечных сомнений и страданий, потому что он отказывался от любимого своего русского языка — «податливейший из языков», как он назвал одно свое английское стихотворение, напечатанное позднее (в 1947 году) в «Атлантическом журнале».

В продолжение же этого перехода на другой язык, перед самым нашим переездом в Америку, он написал последнее свое самостоятельное русское произведение в прозе (т. е. не часть другого, незаконченного сочинения и не русский вариант написанного первоначально по-английски). То был «Волшебник», в известном смысле предваривший «Лолиту». Он думал, что уничтожил или затерял этот небольшого размера манускрипт и что создательная основа этой вещи была исчерпана «Лолитой». Он вспоминал, как читал его несколькими друзьям как-то вечером, в Париже, за заклеенными синей бумагой окнами, ввиду угрозы нацистских бомбежек. Когда наконец в 1959 году манускрипт обнаружился, они с женой внимательно его перечитали и решили, что с художественной стороны имело бы смысл опубликовать его «по-английски в переводе Набоковых».

Это случилось только спустя десять лет по его смерти, и появление самой «Лолиты» опередило публикацию ее предшественника. Несколько американских издателей отклонили предложение напечатать «Лолиту», опасаясь неприятных для себя последствий из-за щекотливости темы. Убедив себя, что книга всегда будет жертвой непонимания, Набоков решил уничтожить черновой вариант, и только благодаря двукратному вмешательству Веры Набоковой он не подвергся кремации в нашей садовой печи за домом в Итаке.

В конце концов Набоков согласился на предложение своего агента отдать книгу «Олимпии

Пресс», не будучи осведомлен о сомнительной репутации владельца издательства Жиродиа. И благодаря хвалебному отзыву Грэма Грина «Лолита» оставила неизмеримо далеко позади себя всякую дрянь вроде тропиков Рака и Козерога², унаследованных Жиродиа от своего отца, издателя «Обелиска», с их еще более половосерыми соседями по Олимпийской конюшне, и заняла, по мнению иных, место одной из лучших книг из числа когда-либо написанных.

Этот прототипический роман-путешествие обезсмертил шоссейные дороги и мотели Америки сороковых годов, и безчисленное множество имен и топонимов продолжает жить в каламбурах и анаграммах Набокова. В 1961 году Набоковы обосновались в отеле «Монтрё-Палас», и тамошняя горничная в один из первых же вечеров из лучших побуждений безвозвратно опорожнила дареное, украшенное бабочкой ведерко для сора, а там лежала толстая пачка дорожных карт Америки, где отец тщательно помечал дороги и веси, которые он проехал с моей матерью. Там были записаны и разные его наблюдения, и названия бабочек и мест их обитания. Какая жалость, и особенно теперь, когда всякая такая подробность исследуется учеными на нескольких континентах! И как жаль, что первое издание «Лолиты», с такой любо-

2 Непристойные и поэтому запрещенные до 1960-х годов в Америке романы Генри Миллера «Тропик Рака» и «Тропик Козерога», вышедшие в 1934 и 1939 годах в Париже в издательстве «Обелиск».

вью мне надписанное, было выкрадено из одного нью-йоркского подвала и продано за два доллара по пути в берлогу некоего аспиранта Корнельского университета!

Тема книгосожжения преследовала нас. Когда Набокова пригласили в Гарвард читать лекции о «Дон Кихоте», он, признавая известные достоинства за Сервантесом, порицал книгу за ее «жесткость» и «жестокость». Спустя годы эту оценку представили так, будто Набоков «разнес книгу в пух и прах», затем ее еще больше исказили полуграмотные журналисты, пока наконец она не превратилась в карикатуру Набокова, который держит перед студентами охваченный пламенем том, и все это с приправой положенного в таких случаях наставительного морализаторства.

И вот наконец мы подходим к «Лауре», и тем самым снова к теме огня. В последние месяцы жизни Набоков лихорадочно работал над этой книгой, не обращая внимания ни на ложные слухи, распространяемые людьми нечуткими, ни на назойливые разспросы людей благонамеренных, ни на разные предположения любопытствующих из внешнего мира, — ни на собственные свои страдания. Среди этих последних были непрерывные воспаления на ногах, под ногтями и вокруг. Доходило чуть ли не до того, что, казалось, лучше уж вовсе от них избавиться, чем терпеть неловкие педикюрные операции медицинского персонала, во время которых ему хотелось вмешаться в их действия и получить облегчение, причи-